

Аня Яблонская

Одесса на театральной карте мира*

Мне 8 лет и страшно. Я не понимаю, зачем я должна здесь сидеть: в темноте, в узком проходе, вцепившись в золоченые подлокотники кресла. Почему нельзя просто взять и уйти? Почему мы все сдавали на это деньги? Почему на меня шикает Наталья Макаровна, когда я нервно смеюсь, от страха поджимая коленки?

Происходит что-то плохое. Огромное мохнатое чудовище ревет истошным голосом, пытаюсь влезть в крохотный дощатый домик, где уже примостились какие-то ужасные пожилые существа – у одного к голове приклеены уродливые уши, позади виснет облезлый хвост, оно отвратительно пи-

щит. Другое, в зеленом, квакает, вываливая гигантский красный язык, и прыгает, как ошпаренное. Рядом, сгорбившись, беспокойно клопочет что-то свое высокий тощий заяц с проплешинами между

* Написано в 2010 году для «Петербургского театрального журнала».

ушей. Вся эта недобрая живность находится совсем рядом, в опасной близости от меня, и все ревут, кричат, размахивают лапами. Они вот-вот разрушат маленький домик, очевидно не предназначенный для того, чтобы там тусовались все эти дикие твари.

И еще эта музыка откуда-то снизу. Музыка, похожая на скрипы всех на свете дверей. Мне сказали, что это звучит «из ямы», но про то, что в эту «яму» музыкантов сбросил медведь (для того, наверное, чтобы потом сожрать), а эти скрипы – олицетворение предсмертной агонии, – об этом я уже сама догадалась.

Меня давно мутит и хочется выйти, но время тянется так медленно, звери продолжают орать и петь, и в этом оре не разобрать ни одного человеческого слова, и совсем невыносимо сжимается сердце, когда медведь начинает лезть на крышу утлого строения...

Я закрываю глаза. Но тут же слышу оглушительный грохот: так и есть – теремок пал. Значит, сейчас вся нечисть ринется в зал и сожрет нас, как марципановых человечков. Но вдруг музыка прекращается, зажигается свет – Медведь, Лягушка, Мышь и прочие животные кланяются, машут нам лапами из искусственного меха и папье-маше, делают реверансы, посылают воздушные поцелуи. Мои одноклассники аплодируют, и я тоже аплодирую (я рада, что все закончилось, и мы остались живы). Наконец нам разрешается встать и последовать к выходу.

* * *

Перед спектаклем Наталья Макаровна сообщила классу, что одесский оперный театр уступает по красоте лишь итальянскому Ла Скала и считается одним из красивейших в мире зданий. Но, протискиваясь в толпе таких же, как и я, восьмилетних людей, я совсем не думаю о театральной красоте, а думаю только о том, как бы поскорее оказаться на воздухе. Я не рассматриваю удивительный расписной сводчатый потолок, красно-бархатный и сусально-золоченый зал, лепные балконы – изящные, словно парящие в воздухе. Я ничего этого не вижу. Я настолько поражена зрелищем под названием «спектакль для детей младшего школьного возраста «Теремок», что меня не интересует красота

архитектуры – я охвачена ужасом и принимаю серьезное решение: больше никогда в жизни по доброй воле в театр не ходить.

Я выхожу на улицу и смотрю на оперный, который уже давно стоит в лесах (и простоит так еще лет пятнадцать, все мое детство и юность). Я сравниваю свои впечатления от спектакля «Теремок» с недавно увиденным кинофильмом «Кинг-Конг» (какие-то энтузиасты транслировали его в актовом зале нашей средней школы). И это сравнение не в пользу «Теремка».

В том черно-белом фильме (1933 год, режиссеры Мэрион Купер и Эрнст Шодсак) гигантский горилла влюбляется в девушку по имени Энн (меня тоже зовут Аня, это же по-английски Энн, и я помню об этом все время, пока смотрю на экран), но гориллу усыпляют газом и на пароходе отправляют в Нью-Йорк, чтобы за деньги показывать публике. Когда этот обезьянин пробуждается и видит красавицу, то разрывает кандалы, врывается в город и крушит все на своем пути.

Я понимаю, что сцена, в которой оперный медведь лезет на крышу «Теремка», даже на йоту не может приблизиться к моменту, в котором Кинг-Конг влезает на Эмпайр-Стейт-Билдинг. Странно: и то, и другое зрелище вызывает ужас, но от фильма невозможно оторваться, а спектакль начинаешь ненавидеть с первой минуты. Это – мое первое театральное впечатление.

Второе случилось в десятом классе. Мне уже пятнадцать лет, я стою за кулисами того самого актового зала, где много лет назад впервые увидела небезызвестного американского гориллу, и держу в руках здоровенный кусок ржавой металлической трубы. Труба тяжелая, я почти надорвалась, но все-таки крепко держу эту железяку, одним глазом наблюдая за происходящим на сцене. Там одноклассники разыгрывают пьесу моего собственного сочинения. Пьеса душераздирающая: двое парней из одной школы любят девушку из другой школы, а заканчивается все тем, что какой-то из подростков достает пистолет (только не спрашивайте, где он его взял!) и палит в другого подростка. Так вот, когда мои актеры изображают смертоубийство, используя для этого купленный на рынке детский «пестик», я, приняв на себя не только драматургию с режиссурой, но и спецэффекты этой постановки, ро-

няю себе на ногу железную трубу в надежде имитировать звук выстрела. Дальше не помню. Кажется, это был провал!..

В общем, мне ли роптать на театр, точнее, мне ли роптать на то, что происходящее в одесских театрах – это до сих пор нечто среднее между оперой «Теремок» и школьной самодеятельностью, если я сама еще в старших классах школы приложила к этому руку! Мне ли жаловаться, если одесские афиши пестрят именами только Шекспира и Чехова? Провинциальные театры всегда берутся за «Ричарда III» или «Дядю Ваню» и ставят их «по всем правилам» – в пыльных кринолинах и бархатных панталонах.

А за окнами одесских театров – настоящая жизнь. В ней на каждом шагу разыгрываются такие «спектакли», которым позавидовали бы самые искусные актеры дель арте.

Этот город полон театра, он дышит им. Театр есть в каждом стареньком дворике (которых, правда, осталось так мало, что можно сосчитать по пальцам), где вечно сушатся на веревках белые простыни в голубой цветочек. Он у нас на трамвайных остановках, рынках, вокзалах, в ЖЭКах и в почтовых отделениях – везде-везде, кроме разве что тех красивых зданий с воображаемыми колоннами, на которых написано «Театр».

Конечно, нельзя сказать, что в родном городе я не видела ни одного хорошего спектакля. Видела. Целых пять. Правда, все они были в одном месте – в Украинском драматическом театре имени Василько. «Эдип», «Что им Гекуба?», «Счастье рядом», «Гамлет» в постановке киевского режиссера Дмитрия Богомазова. И еще «Украинский декамерон» в постановке Влада Троицкого, тоже приглашенного из Киева. Спасибо руководству театра за то, что иногда зовут к нам этих режиссеров. В другие театры Одессы их не зовут никогда.

Будет ли новостью для моих коллег из других провинциальных городов тот факт, что завлиты наших театров слыхом не слыхивали о современной драматургии – и при одном упоминании о ней крестятся? «Знаем мы ваши современные пьесы: сплошной мат, бомжи и проститутки». Что тут ответишь? Попытаться переубедить, обивать пороги, стучаться в кабинеты, носить пьесы, надеясь, что их кто-нибудь станет читать, параллельно искать приюта (площадок) в каких-нибудь подвалах, бежать, «как

многие отсюда, в Москву, в Москву»? Я пробовала разные варианты, но у меня пока ничего не получилось.

Да нет, я не слишком-то огорчаюсь. Я просто не могу отсюда уехать. Я люблю это место, я иду здесь по улице – и слышу, как и о чем говорят люди, и никто не сможет убедить меня в том, что на театре нужно показывать какую-то «другую», несуществующую жизнь.

Мой город – очень театральный город. Стоит ли сожалеть о том, что этот реальный жизненный театр пока нельзя загнать на подмостки? Не знаю. Но пока это так, мы по-прежнему сокрушительно проигрываем Кинг-Конгу.

Публикация Григория Яблонского

